

**«ЛИЧНО Я МЕЧТАЛА СТАТЬ УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ»:
СОВЕТСКИЕ АВТОБИОГРАФИИ ТАТАРСКИХ ЖЕНЩИН**

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Федеральный исследовательский Центр
«Казанский научный центр Российской академии наук»
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье анализируются фрагменты автобиографий и воспоминаний 1960-х гг., написанных активистками татарского женского движения революционных лет. Кояш Валитова (1898 г.р.), Зухра Баимбетова (1899 г.р.), Былбыл Ильясова (1898 г.р.), Бибихатыма Алабердина (1901 г.р.) и Зейнаб Баширова (1903 г.р.) до революции 1917 г. работали в школе или мечтали стать учительницами. В советское время они включились в агитационно-партийную работу. Общим моментом в советских автобиографиях татарских женщин является выделение элемента «борьба», столкновения с разными силами в семье, обществе. Внутрисемейные конфликты были характерной особенностью эго-документов татарских учительниц. В советских репрезентациях умалчивались некоторые особенности дореволюционной татарской повседневности, в них делался акцент на культурной отсталости мусульман. Комплексный анализ позволил выявить отдельные детали дореволюционного быта и опровергнуть устоявшиеся стереотипы. Автор делает вывод о том, что использование эго-документов в научных исследованиях возможно лишь как дополнение к менее ангажированным источникам другого типа.

Ключевые слова: татары, женское движение, мусульмане, эго-документы, автобиография, ТАССР.

Для цитирования: *Габдрафикова Л.Р.* «Лично я мечтала стать учительницей»: советские автобиографии татарских женщин // Историческая этнология. 2024. Т. 9. № 1. С. 79–94. DOI: 10.22378/he.2024-9-1.79-94

Введение, или советские автобиографии

Взгляд на историю глазами отдельного человека, через его субъективные представления и ощущения, представляется одним из любопытных направлений современных исторических исследований. Большим подспорьем в этом деле являются эго-документы. Источники личного происхождения советского времени, пусть даже стандартизированные и написанные под определенный партийный заказ, не лишены научного потенциала.

В Государственном архиве Республики Татарстан хранятся документы партийного архива Татарского обкома КПСС. Среди них наше внимание привлекли автобиографии и воспоминания татарок, активисток женского движения 1920-х

годов. Кояш Валитова (1898–1985), Зухра Баимбетова (1899–1986), Былбыл Ильясова (1898–?), Биби-Хатыма Алабердина (1901–?) и Зейнаб Баширова (1903–1984) родились и выросли в разных уголках Волго-Уральского региона. К.Валитова (в девичестве – Джаббарова) – уроженка Казанской губернии, её родители работали на золотых приисках в Оренбургской губернии, там же прошло детство Кояш. Поэтому Валитова публиковалась под псевдонимом «Дочь шахтера». З.Баимбетова (Муслимова) родилась в Уфе. Отец – бывший шахтер, мать – служанка. Б.Ильясова (Гайсина) родилась в городке Форштад Оренбургской губернии, родители её жили крестьянским трудом. Такой же была семья Б.Алабердиной из Бугульминского уезда Самарской губернии. Некоторым особняком стояла дочь муллы З.Баширова из Лаишевского уезда Казанской губернии. В 1920-е гг. все женщины были связаны с Казанской губернией и ТАССР, участвовали в деятельности женотделов, комсомола и других организаций.

З.Баимбетову в 1919 г. назначили секретарем мусульманской секции Казанского губернского женотдела, она и Б.Ильясова в 1920 г. стали делегатками от Татарской АССР двух совещаний Центрального женотдела, посвященных «работе среди женщин Востока» (Смирнова, 1963: 77, 74). В том же году З.Баимбетова возглавила женотдел Татарского обкома РКП(б).

К.Валитова в 1918–1919 гг. занималась при женотделе организацией татарских детских садов в г.Казани (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.627. Л.12). З.Баширова в 1921 г. издала авторский первый сборник стихов «Очкыннар» («Искры»), а в 1923 г. у студентки рабфака вышла вторая книга «Яшь инкыйлабчы жырлары» («Песни юного революционера») (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.6). Автор книги о татарском женском движении З.Бурнашева называла ее «воинственной комсомолкой» (Бурнашева, 1971: 130). Б.Алабердина в начале 1923–1924 гг. являлась секретарем Альметьевского волостного комитета РКСМ (комсомола) (НМ РТ. КППи–123613).

Судя по всему, накануне 50-летнего юбилея Октябрьской революции, а также 50-летия ВЛКСМ, работники Партийного архива Татарского обкома КПСС обратились к активисткам с просьбой о написании автобиографий или воспоминаний о революционном периоде. Все документы датируются 1960-ми гг. Некоторые представленные материалы опубликованы с сокращениями в сборнике «История комсомола Татарстана в документах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. 1919–1991 гг.». Например, в эту книгу вошли фрагменты автобиографии Б.С. Алабердиной и воспоминаний Б.Х. Ильясовой, связанные с их работой в системе комсомола (История комсомола..., 2014: 245–247, 263–264). Поэтому документальные фрагменты, вводимые нами в научный оборот, дополняют имеющиеся сведения о женщинах.

Автобиографии были стандартными документами советского делопроизводства. В данной публикации нас интересуют репрезентации героинь в контексте татарского просвещения начала XX в. Как татарские женщины, добившиеся определенных успехов в общественной сфере в условиях советской вла-

сти, представляли начало своего пути? На что они делали основные акценты в своих рассказах, а о чём упомянули мельком или даже предпочли не вспоминать вовсе?

Мугаллима как дореволюционная учительская профессия

Сначала немного фактов. До революции 1917 г. учительницами (мугаллима) успели поработать З.Баимбетова, Б.Ильсова и К.Валитова. Их приход в профессию во многом был ускорен Первой мировой войной. Из-за военной мобилизации в татарских учебных заведениях наблюдалась острая нехватка педагогических кадров, как в системе мусульманского образования (мектебе и медресе), так и в земских школах.

К.Валитова в 1913–1914 гг. училась в татарской женской школе Фатихи Аитовой в Казани, в 1914–1915 гг. работала в женском мектебе д. Псяк¹ Мамадышского уезда Казанской губернии, в 1915–1917 гг. – в Мамадышской русско-татарской женской школе. После октября 1917 г. она заведовала двухмесячными учительскими курсами в Казани (Татар педагогик..., 2016: 52).

З.Баимбетова в 1916–1917 гг. работала в земской школе в татарской деревне Арсланово² Уфимского уезда Уфимской губернии. Б.Ильсова в сентябре 1917 г. была назначена заведующей начальной школы в г. Илецк Оренбургской губернии и учила детей-мусульман.

Профессиональная подготовка татарских учительниц той поры была разной. Например, Б.Ильсова прошла лишь трехмесячное обучение на татарских учительских курсах (*даррельмугаллима*), организованных Оренбургским земством (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301. Л.45). З.Баимбетова шесть лет училась в женском русско-башкирском училище в Уфе, а потом еще три года – там же в учительской семинарии (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332. Л.1).

Что касается остальных героинь, педагогическая деятельность в их жизни в какой-то мере присутствовала в революционное время: об этом упоминает Б.Алабердина, З.Баширова местом своей учебы в Казани указывает *даррэлмугаллима* (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.3). Имеются сведения о том, что в 1919 г. она работала в системе дошкольного образования (Бурнашева, 1971: 130), тогда при губернском женотделе начали организовывать первые детские сады для детей-татар. Всего в 1919 г. в Казани было организовано 4 татарских дошкольных учреждения (Смирнова, 1963: 75).

Таким образом, указанных активисток татарского женского движения 1920-х гг. объединяла еще то, что все они были мугаллима или собирались стать учительницами. Попробуем разобраться с их советскими представлениями о себе в связи с дореволюционной профессией и революционной эпохой. Сразу стоит провести условную черту между татарскими учительницами (*мугаллима*) дореволюционного времени и татарско-советскими педагогами женского пола (*укытучы ана*). Если вторые пользовались безусловным уважением

¹ Совр. Кукморский район Республики Татарстан.

² Совр. Чишминский район Республики Башкортостан.

(особенно с 1930-х гг.), то первые были пионерами в деле просвещения и воспринимались татарским традиционным сообществом неоднозначно. Например, некоторые татарские учительницы Закамья, связанные, в том числе с продвижением идей нового Советского государства в широкие массы, сильно пострадали во время Вилочного восстания 1920 г. (Смирнова, 1963: 79–80).

«Борьба» как основной элемент автобиографии

Если сравнить автобиографии *мугаллима* с аналогичным документом русской учительницы начала XX в., то сразу видно, что в последнем нет никакого противопоставления личного выбора и мнения семьи, общества. Пример – автобиография уроженки г. Мензелинска Надежды Дмитриевой-Егоровой (1885 г.р.). В советские годы женщина отмечала, что родилась в крестьянской семье и родители всячески помогали ей с профессиональной подготовкой: «Жили бедно, но все-таки родители меня и двух сестер устроили учиться в женскую прогимназию» (МИГНЧ КП–1658). Выпускницы Мензелинской женской прогимназии, где имелись педагогические курсы, обычно становились учительницами земских школ.

Совсем иначе вспоминали о своем детстве и подростковых годах наши героини. И у К. Валитовой, и у Б. Ильясовой имеются упоминания о том, что их хотели выдать замуж, но они, сопротивляясь этому, решили учиться дальше и «стать учительницей». Здесь уже закладывается идея о революционности самого выбора профессии. Вообще, женщины в автобиографиях придерживались чаще всего советского клише об угнетенной «женщине Востока», которой родители не разрешали учиться.

Указанное видение положения татарской женщины в обществе не совсем верно будет связывать только с советским временем. Оно обозначилось чуть раньше. Жалобы на несчастную женскую долю появлялись на страницах татарской прессы еще в дореволюционные годы. В 1914 г. Г.Исхаки выступил с резкой критикой таких тенденций и не согласился с тем, что во всем виноваты только мужчины. Любопытно, что писатель увидел в публикациях такого типа влияние описаний о тяжелой жизни мусульманок других народов и считал неверной экстраполяцию тех реалий на жизнь татарок. Он удивлялся тому, что татарские женщины называли мужчин дикими зверями, тогда как именно мужчины-интеллигенты (в том числе Г.Исхаки) за десять лет до этого инициировали обсуждение «женского вопроса» на страницах татарских книг. Литератор опасался, что развитие женского движения может привести к обыкновенному противопоставлению двух полов (Габдрафикова, 2015: 291–292). Однако в 1920-е гг. это противопоставление приобрело интерсекциональный характер, добавились классовые и другие различия.

Татарским женщинам, составлявшим автобиографии по партийному заказу, особенно важно было показать собственную «борьбу». Например, Б.Алабердина пишет о том, как она убежала из дома для поступления в

женское медресе соседнего уезда и училась там два года (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.116. Л.1). Как молодой татарской девушке без моральной и материальной поддержки семьи можно было где-то жить и учиться вдали от дома? Очевидно, в автобиографии опущены какие-то подробности, связанные с родственными связями и другими обстоятельствами обучения в женском медресе чужой деревни.

Еще более сложную картину «борьбы» представила бывшая журналистка и поэтесса З.Баширова. Трудившаяся в середине 1920-х гг. в аппарате Центроиздата (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.9) (по сути, она являлась чиновником от литературы), женщина в своих воспоминаниях использовала множество характерных клише: детство прошло «в темной отсталой деревне»; отец – «служитель культа», мать была «малограмотной». Судя по всему, это означало, что мать З.Башировой не умела читать и писать по-русски. Но, будучи супругой муллы, она фактически была образованной женщиной. С детства будущую комсомолку волновали «бесправие и унижительное положение татарской женщины в семье и обществе», а выжить ей помогало только «самообразование». Кто же снабжал маленькую татарскую девочку книгами (она перечисляет множество поэтических сборников начала XX в.), давал возможность для интеллектуального досуга; научил читать и писать? Выясняется, что грамоте Зейнаб научилась у отца, что вскоре девочка начала писать стихи (значит, в семье поощряли её творческий порыв) и даже отправила в редакцию газеты «Юлдуз» собственные сочинения (кто-то же оплатил ребенку почтовые расходы). Отца З.Башировой представляет как кадимиста, человека с традиционными (по умолчанию, отсталыми) взглядами. Однако перечисление имевшейся в доме художественной литературы, упоминание газеты, указывают на то, что отец-мулла был довольно образованным, развитым человеком. Возможно, в семье и не было никакой «борьбы за отстаивание прав на образование».

З.Баширова училась в земской школе и это она объясняет влиянием не отца, а другого муллы-джадида. Между тем, накануне революции 1917 г. многие родители отдавали своих детей в русско-татарские земские школы. В этом выборе не было ничего радикального: необходимость изучения русской грамоты осознавалась даже муллами. Но в рассказе З.Башировой все выглядит несколько иначе. Её учеба в женской школе Лябиби Хусаинии в г.Казани подается в контексте особой роли неизвестного агитатора «из города», рассказавшего ей про революционеров В.И. Ленина и А.М. Коллонтай (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.4). Здесь просматривается еще один советский стереотип – противопоставление села и города. Если деревня в текстах постреволюционного времени символизировала политическую и культурную отсталость, то город был местом передовых (революционных) идей.

В указанном ключе в советской литературе противопоставлялись крестьяне и рабочие (пролетариат). «Отсталость» нерусских народов и их недостаточную политизированность было принято связывать с недостатком пролетарской массы среди них. Следующая цитата является яркой иллюстрацией этой версии.

Среди татарок гораздо сильнее в тот момент сказывалась и политическая, и общая неграмотность, чем среди русских женщин. Поэтому среди татарок нужно было проводить гораздо более усиленную просветительную работу. Нельзя не учитывать и такое обстоятельство, что большинство татарок в крае, как, впрочем, и по всей стране, в то время были крестьянками, которые гораздо труднее организовывались политически и в общекультурном отношении очень отставали от работниц (Смирнова, 1963: 71–72).

Таким образом, на момент написания анализируемых автобиографий фактически аннулировалась вся дореволюционная работа мусульманского духовенства и татарской интеллигенции в сфере культуры и образования, сложившаяся к началу XX в. сеть татарских женских школ в городах и деревнях во всей Российской империи. Воспоминания З.Башировой 1970 г. лишь повторяют этот посыл.

З.Баимбетова в революционные годы была агитатором, поэтому в воспоминаниях она уделяет большее внимание именно этому факту. Она призвала мусульманок воспользоваться предоставленными им после февраля 1917 г. избирательными правами и участвовать в выборах. Такую работу она проводила во время летних каникул. Для молодой учительницы это стало настоящим вызовом, но она подчеркивает, что у неё была «охранная грамота» от М.Баязитова – письмо от муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332. Л.2). Очевидно, её общественная деятельность тогда была продолжением основной работы, она выполняла поручение от деятелей уфимского губернского земства. Вообще, воспоминания З.Баимбетовой отличаются отсутствием внутрисемейной «борьбы». В этом смысле её текст выполнен в стиле воспоминаний русских учительниц. В автобиографии несколько слов уделяется родителям крестьянско-рабочего происхождения, упоминается скромный достаток семьи и собственная учеба. В ней нет противопоставления себя и старшего поколения семьи (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332. Л.1). Возможно, это объясняется тем, что активная участница революционных событий, агитатор за женское равноправие еще до октября 1917 г., З.Баимбетова не считала нужным показывать себя в роли угнетенной «женщины Востока», получившей право на учебу и полноценную жизнь лишь благодаря «Октябрю». Конечно, как один из авторов книги на татарском языке «Подарок Октябрьской революции женщинам-татаркам» 1922 г. (Смирнова, 1963: 24), З.Баимбетова прекрасно знала о советских клише, но выступая субъектом революции, не считала нужным ставить себя в ряд с её объектом – «женщинами Востока».

Соратница З.Баимбетовой Б.Ильясова включила в собственный рассказ межпоколенческую проблему и внутрисемейный конфликт (мачеха/отец и она, «мы – молодежь»), а также «борьбу» классового характера. Будучи участницей татарского митинга в г. Оренбурге, она противопоставляла «буржуазных женщин-интеллигенток» и себя – сторонницу «социалистов» (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301. Л.47). Этот же фокус, проведение некой черты между т.н. буржуазными

участницами женского движения и будущими членами ВКП(б) было и в воспоминаниях З.Баимбетовой, в которых она указала на неоднозначную позицию Амины Мухитдиновой во время Гражданской войны, не выступившей в защиту М.Вахитова в августе 1918 г. «Почему она не приняла никаких мер для спасения Мулланур Вахитова от расправы татарской буржуазии и почему она не ходила к Ильяссу Алкину с ходатайством?» (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332. Л.3). К тому времени А.Ф. Мухитдинова (1893–1944) стала жертвой репрессий, как и многие другие активистки дореволюционного периода. Возможно, автор текста пыталась таким образом отгородиться от неё.

Учительская профессия – мечта или вынужденный выбор?

Детство с материальной неустроенностью семьи – еще одна популярная тема автобиографий активисток 1920-х гг. Как было показано выше, дочь муллы З.Баширова и Б.Алабердина заменили ее внутрисемейным конфликтом. Очевидно, это было связано с тем, что до 1917 г. их семьи не испытывали особой нужды, поэтому нужно было доказать свое противостояние в частной жизни.

Б.Ильасова, как и З.Баимбетова, вспоминала о трудном детстве в многодетной семье. Родители находились в разводе, мать «работала по найму в качестве прачки, прислуги у разных купцов до 1917 года. Оба умерли, не дождав-шись октябрьской революции» (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301. Л.47). Она пишет о том, что хотела учиться, а отец и мачеха не поддерживали её. Судя по всему, на самом деле девушка проживала не с матерью-прачкой, а в семье отца. По словам Б.Ильасовой, в юности она буквально «мечтала стать учительницей». Интересно, что свой дореволюционный профессиональный выбор Б.Ильасова объясняет тем, что учительская деятельность для неё была связана с «полезной работой среди людей» (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301. Л.18). Фактически женщина посвятила себя работе по линии женотделов (сначала в Казани, а потом уже в Средней Азии). «Она чудом уцелела, находясь в кольце басмаческих извергов», – вспоминал о Б.Ильасовой Н.П. Абакумов, редактор газеты «Клич юного коммунара» (История комсомола..., 2014: 239).

З.Баимбетова ничего не пишет о своих мечтах. Становление земской учительницей выглядит как естественное следствие девятилетнего обучения и обретения независимости. Она получила возможность работать в иной сфере, нежели её мать (прислуги). По мнению Г.Ибрагимова, во время Первой мировой войны «быть мугаллимой» (*мөгалимәлек*) стало популярным «ремеслом татарских женщин» (Бурнашева, 1971: 55–56). После 1917 г. З.Баимбетова не возвращается к учительской профессии.

К.Валитова в советское время тоже работала в другой сфере. В отличие от Б.Ильасовой, о своих дореволюционных профессиональных устремлениях она пишет менее пафосно, связывая их исключительно с материальными нуждами. «Жила я очень бедно, впроголодь, мне часто приходилось голодать», «из-за отсутствия средств все же была вынуждена бросить учебу и поступила на работу в качестве учительницы». Однако тут же она указывает на учебу в

Мамадышской женской гимназии в этот период. За исключением отдельных случаев, когда выделялось отдельное казенное содержание, обучение в гимназиях было платным, поэтому материальное состояние будущей активистки, очевидно, до 1917 г. было не самым плачевным. Однако по законам жанра советских автобиографий, К.Валитова подчеркивает, что «лишь после Октябрьской революции коренным образом изменилась моя судьба».

Любопытно, что в рассказе К.Валитовой материальные вопросы становятся неактуальными уже сразу после 1917 г. Например, повествуя о своей работе на татарских учительских курсах при казанском комитете РКП(б), женщина подчеркивает, что она «преподавала на общественных началах», но не уточняет на какие средства жила (ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.627. Л.10).

Еще один общий момент анализируемых автобиографий женщин – это избирательное упоминание в них этапов обучения. В некоторых случаях авторы стремятся приуменьшить качество своей школьной и профессиональной подготовки, особенно если обучение проходило в мектебах, медресе, или в русском учебном заведении. Так, Б.Ильясова не упоминает учебу в мектебе или медресе, хотя до поступления на земские учительские курсы она, конечно же, должна была пройти школьное обучение. То же самое и З.Баимбетова. Родившись в Уфе, она могла учиться в татарском женском мектебе (на тот момент в городе их было несколько). Если активистки упоминали о таких школах, то акцентировали внимание на формальном характере обучения и на получении ими полноценного образования лишь в гимназии/советской школе/семинарии, рабфаке. Например, З.Баширова пишет о реорганизации школы Лябиби Хусаиновой, о превращении её в «советскую женскую учительскую семинарию». К.Валитова, обучавшаяся в 1913–1914 гг. в школе Фатихи Аитовой в г. Казани, пишет лишь о «татарской женской школе с уклоном в сторону рукоделия» (данное учебное заведение в 1916 г. получило официальный статус гимназии). В татарской советской литературе дореволюционные женские начинания общественного характера нередко старались представить в буржуазном ключе. Поэтому «рукоделие» представлялось как маркер мещанского быта, а образовательная деятельность школы сводилась к минимуму.

Как и остальные активистки, К.Валитова в советское время начинает профессионально реализовываться в иной области. Работа в качестве мугаллимы для многих татарских активисток стала своеобразным трамплином в революционное время. Они подключались к агитационной работе, в 1920-е гг. занимали руководящие посты. Однако позднее такие женщины начинают трудиться на рядовых должностях (редактор, библиотекарь, архивный сотрудник). Их автобиографии и воспоминания соответствуют определенному советскому шаблону: трудное детство и огромное желание учиться, борьба внутри семьи, вынужденная работа (в том числе учительницей), борьба за рамки семьи (с буржуазией) за свои права. После 1917 г. татарская женщина получает все возможности для учебы (рабфак, институт и т.д.).

Представленные источники личного происхождения – это документы советской эпохи, являющиеся частными иллюстрациями советских лозунгов о необходимости «раскрепощения угнетенной женщины Востока», просвещения татарского народа, культурного развития деревни. В эго-документах татарские активистки 1920-х гг. следовали общеизвестным идеологическим установкам. Спустя полвека отдельные детали их воспоминаний указывают на то, что в реальности не все было однозначно. Использование такого рода документов в научных исследованиях возможно лишь с учетом обозначенных выше особенностей и лишь как дополнение к менее ангажированным источникам другого типа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№1

Автобиография Бибихатымы Алабердиной

Без даты

Я, Алабердина Бибихатыма Сулеймановна, родилась 19 августа 1901 года в деревне Новые Шалты Бавлинского района Татарской АССР. Родители были крестьянами.

В 1914 году я убежала из дома в женское медресе в дер. Тураевой Башкирской АССР³, где обучалась 2 года и окончила в 1916 году. В 1918–1919 гг. в Салиховской волости, в том числе и в деревне Новые Шалты был организован «Ан белем тугэрэгэ» – культурно-просветительский кружок самодеятельности. Со дня организации культурно-просветительского кружка я начала принимать активное участие в постановке спектаклей, разоблачающих старый строй, богачей и духовенство. Мы исполняли так же революционные песни, песни о раскрепощении женщин-татарок и молодежи.

В 1919–1920 учебном году работала в деревне Хансеваркино Бавлинского района в качестве школьного работника по ликвидации неграмотности среди женщин-татарок [...].

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.116. Л.1–2.

№2

Из воспоминаний Былбыл Ильясовой

25 апреля 1966 г.

[...] Летом 1914 г. мачеха с моим отцом хотели насильно выдать меня замуж. Я решила не подчиниться им и сказала, что я собираюсь стать учительницей, а если станете насильно выдавать замуж, то я вынуждена буду принять христианство и пусть позор упадет на вас. Война продолжалась. Мы, молодежь, предчувствовали назревающие события и стали к этому готовиться.

Лично я мечтала стать учительницей и вести среди людей полезную работу.

---

³ Д. Старотураево Ермакеевского района Республики Башкортостан.

Февральская революция пробудила в нашем сознании новые идеи и мысли. Помню апрель 1917 года.

В городском театре Оренбурга состоялся большой митинг, где принимали участие женщины-татарки. После выступления женщин из буржуазной прослойки решила выступить с речью и я. В своем выступлении я приветствовала революцию, рассказал о требованиях масс трудящихся и предстоящих задачах революции.

Буржуазным женщинам – интеллигенткам мое выступление не понравилось, и они стали шуметь и мешать, прерывая мою речь, и даже стали окружать меня, но я не испугалась. Представители большевиков, солдаты и другие громко аплодировали, подошли вплотную к трибуне, желая в случае надобности защитить меня.

На другой день газета «Вақыт», в отчете о прошедшем митинге, с иронией писала обо мне, что якобы я «молодая девочка, подкупленная социалистами, выступила о их учении».

Меня никто не подкупал и не учил, а если моя речь была построена в социалистическом духе, то это была искренняя потребность и желание моей души и мое сочувствие революции.

В 1917 г. после окончания педагогических курсов в г. Оренбурге меня назначили заведующей и учительницей начальной школы в гор. Илецкой защиты.

[...].

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301. Л.18–20.

№3

Из автобиографии Кояш Валитовой

21 марта 1969 г.

[...] С 1913 по 1915 гг. я жила в Казани, зарабатывая на существование уроками на дому и рукоделием. Здесь в течение года я училась в татарской женской школе с уклоном в сторону рукоделия, и еще год готовилась частным путем в гимназию. Занимался со мной бесплатно учащийся Хусаин Мавлютов. Жила я очень бедно, впроголодь, мне часто приходилось голодать.... Всеми силами стремилась я попасть в Мамадышскую женскую гимназию, где проучилась полтора года, и в 1917 г. окончила 6 классов. После этого из-за отсутствия средств все же была вынуждена бросить учебу и поступила на работу в качестве учительницы, хотя и очень хотела учиться. У меня началось малокровие, и я так и не смогла учиться. Лишь после Октябрьской революции коренным образом изменилась моя судьба, и я получила высшее образование. Я смогла закончить краткосрочный полугодовой подготовительный рабфак при Академии Коммунистического воспитания, а затем закончила и самую Академию Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, куда была командирована Обкомом партии Татарской АССР. А в 1936 г. я закончила аспирантуру Высшего

Коммунистического института просвещения (ВКИП) в Москве, где сдала кандидатский минимум.

Активное участие в общественной жизни я начала принимать с первых же дней февральской революции 1917 года вместе с рядом товарищей, в числе которых были учитель Мухаммедхан Ашрафзянович Фазлуллин, его жена Галия Фазлуллина и др. Мы вели агитацию и пропаганду среди татарского населения г. Мамадыш, за освобождение приниженой и забитой шариатом татарской женщины, организовывали среди них кружки, участвовали в борьбе с баями, купцами и духовенством за то, чтобы женщины ходили с открытым лицом, за избирательное право женщин и вовлечение их в общественную жизнь, а также против многоженства, распространенного среди части населения. В 1917 г. трудящимися женщинами г.Мамадыш я была избрана делегатом на Первый губернский съезд женщин-мусульманок в г.Казани, в работе которого активно участвовала. Позже, по поручению члена Казанского комитета большевиков Шахида Ахмадеева я организовала курсы по подготовке учительниц из трудящихся женщин-татарок, где я преподавала на общественных началах. Временное правительство не отпускало средств на курсы, организованные большевиками, и мы все делали сами с огромным энтузиазмом и совершенно безвозмездно. Мне часто приходилось выступать на собраниях, писать в газетах о положении и правах женщин, о привлечении их к активному участию в работе делегатских собраний, призывая их на борьбу с унижительными обычаями прошлого, голосовать во время выборов в Учредительное собрание за список большевиков, за прекращение империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую.

В 1918–1919 гг. я организовывала первые детские сады среди татарского населения г.Казани и деревень Казанского уезда. По поручению партийной организации и совета депутатов трудящихся г.Казани с рядом товарищей, в числе которых была и Абруй Сайфи, мы проводили реквизицию байских домов под детские учреждения.

[...].

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.627. Л.10–12.

№4

Из автобиографии Зухры Баимбетовой

25 ноября 1965 г.

[...]. В 1907 г. поступила учиться в Уфимскую русско-башкирское женское училище. За казенный счет. Курс был 6-летний. Окончила в 1913 году.

В том же году поступила учиться в Уфимские женские педагогические курсы с трехлетним сроком обучения.

В сентябре 1916 года меня назначили в большое татарское село Арсланово Уфимского уезда Караякуповской волости, заведующей-учительницей земского

начального училища для мальчиков, ввиду того, что бывший заведующий училища был призван на войну и находился на фронте.

Летом 1917 г., во время каникул, я много работала агитатором о равноправии женщин-мусульманок, разъезжая по самым отдаленным районам Башкирии до Аргаяшского, где особенно много было башкирского населения, вернее женщин-башкирок, т.к. мужчины почти все находились на войне. Надо было нам будить самосознание женщин-мусульманок, растолковать им о правах гражданок свободной России. Это была интересная и довольно рискованная поездка агитатора, ввиду того, что мусульманское духовенство в деревнях было настроено вовсе не в пользу прав для женщин, мне даже пришлось взять из Духовного собрания мусульман в Уфе нечто вроде охранной грамоты, в которой было написано, что мне разрешается вести агитацию о равноправии женщин не только от имени властей, но и от Духовного собрания, на той грамоте стояла подпись самого муфтия Баязитова!

[...].

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332. Л.1–2.

№5

Из автобиографии Зейнаб Башировой

19 июня 1970 г.

Я, Баширова Зейнаб Ходжаевна (полное имя отца Ходжа-жан) родилась 5 октября (по старому стилю 22 сентября) 1903 года в деревне Юлсубино (по-татарски Балтач) Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Рыбнослободского района ТАССР).

Детство мое прошло в темной отсталой деревне бывшей царской России в семье отца – служителя культа. Духовное звание отца – мулла, социальное положение родителей – крестьянство. Сельскохозяйственные работы производились силами членов семьи, прибегая лишь временами при неотложной сезонной работе к посторонней помощи. Отец отказался от своего сана в 1929 году и до самой смерти жил в деревне, занимался земледелием и ремонтом обуви. Умер он в 1952 году.

До Великой Октябрьской социалистической революции я находилась на иждивении своих родителей. Грамоте по старому арабскому алфавиту обучалась у отца. Мама была малограмотной. В семье крепко держались старые устои быта, узаконенные адатом и шариатом. Бесправие и унижительное положение татарской женщины в семье и обществе глубоко волновали меня и вызывали недовольство детской души бытующими изуверскими законами – Канонами старого мира. По мере возможности, я постаралась заниматься самообразованием, желая найти ответ на волнующие меня вопросы.

С раннего детства я имела склонность к поэзии. Увлекалась стихотворениями Г.Тукая, Сагита Рамиева, С.Сунчалая и других. Поньше сохранились в памяти прекрасно иллюстрированные, многокрасочные книжки Г.Тукая («Ку-

нелле сахифэлэр», «Жуаныч», «Алтын этэч» и др.), ставшие настольными книгами моего детства. Рано я начала писать стихи. Помню, однажды даже осмелилась послать свое стихотворение в газету «Йолдыз», выписываемую моим отцом и, хотела с детской восторженностью поздравлять читателей, что ураза (т.е. мусульманский пост, когда люди целыми днями голодают) прошла. Но не напечатали мое стихотворение и в разделе «От редакции» ответили отказом. (Долго я таскала с собой тетрадку со своими стихами раннего детского периода, позднее увезла ее даже в Казань, но там она у меня затерялась).

Меня все больше и больше тянуло к учебе по-новому. Но как оказать воздействие на отца – сторонника усул кадимистского (старометодного) обучения? Его взгляд на женщину ограничивался религиозными наставлениями, и обучение грамоте по старому арабскому алфавиту он считал вполне достаточным для представителей женского пола.

Тут помог мне случай, имевший место во втором приходе нашего села: мулла соседнего прихода был сторонником усул джадидского (новометодного) обучения и отвозил свою дочь в соседнее русское селение Кульга обучать русской грамоте. Этот факт послужил для меня большим подспорьем во внутрисемейной борьбе за отстаиванием своих прав на образование. Моя борьба увенчалась успехом. Родители мои наконец согласились отвезти меня тоже в соседнее селение – только не в русское, а в родное селение моей матери Кугарчино, где имела русско-татарская школа. Я жила на квартире родного брата моей матери и посещала школу учительницы Зайтовой Гайши. Здесь я научилась русской грамоте и впервые ознакомилась с небольшими произведениями русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова и других.

После свержения царя (февраль 1917 г.) в деревню приезжали различные представители и выступали на сельских сходах. Произносились речи о свободе, о земле и мире, которые были не очень доступны моему пониманию, так как мне было тогда всего 13 лет. Но на всю жизнь запомнился один факт, совершивший впоследствии перелом в моей жизни.

Однажды приехали в деревню два оратора – представители города. Один из них зашел к нам чай пить и с большим интересом просматривал мою тетрадку со стихами, которая обычно лежала на подоконнике. Потом он похвалил меня, внес небольшую поправку в стихотворение о весенней природе (Язгы табигать) и посоветовал учиться. Далее он рассказал мне о главаре большевиков Ленине и его помощнице – русской женщине Коллонтай, особо отметив, что она имеет печатные труды. Этот разговор, словно, как маяк, озарил мне путь и, главное, убедил меня в том, что и женщина может стать общественным и государственным деятелем.

Осенью 1917 года с 14 лет мне удалось поехать учиться в Казань и поступить в школу Лябибэ ханум, которая через год была реорганизована в дарэلمугаллимат и называлась татарской советской женской учительской семинарией (директором семинарии работала Гайнульхаят Мамина, завучом – Фатих Сейфи-Казанлы).

Учеба в городе открыла мне широкий путь для моего развития. Свободное от учебы время я проводила за книгой в городской татарской библиотеке «Исламия» (переименованный потом в «Шарек котепханасы»), расположенной недалеко от моей квартиры в здании типографии братьев Каримовы (ныне ул. Тукаевской, д.37). Времена были тяжелые. Мировая империалистическая война и хозяйственная разруха разорили нашу страну. Продолжение учебы в городе в таких условиях было тяжелым. Но появившееся однажды в татарской газете объявление резко изменило мое положение. Искали переписчика ролей для артистов «Сайяр» труппы и желающим предлагалось обратиться в редакцию. Карим Тинчурин попросил меня тут же переписать одну заметку из газеты, и почерк мой был одобрен. Так мне начали давать работу на дом. После приготовления уроков, я сидела ночами за маленьким столом в углу комнаты и при тусклом свете керосиновой лампы переписывала роли на отдельные тетрадки. Из переписанных мною театральных произведений я помню «Беренче театр», «Безнен шэхэрнен серлэре», «Кара хэм кызыл», «Жойче Гайша», «Аршин мал алан», «Казан солгесе», «Сонгы салэм», «Юлбарыслар», «Мэкер вэ мохэббэт» и др. (...) Так я начала подзарабатывать (из расчета 10 рублей за каждое действие), облегчая тем самым свое материальное положение. [...].

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.1–4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
МИГНЧ – Музей истории города Набережные Челны
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

ИСТОЧНИКИ

ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.116.
ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1301.
ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.332.
ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381.
ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.627.

История комсомола Татарстана в документах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. 1919–1991 гг.: сборник документов и материалов / отв. сост. *В.Г. Хамидуллина, Г.В. Гаффарова*. Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014. 320 с.

МИГНЧ КП–1658.
НМ РТ. КППи–123613.

ЛИТЕРАТУРА

Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан. Казан, 1971.
Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татарское книжное издательство, 2015.

Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. Казань: Издательство Казанского университета, 1963.

Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда / Ф.М. Солтанов ред. 2 т. (XX гасыр – XXI башы). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2016.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420011, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский Центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

Поступила 07.06.2023

Принята к публикации 12.10.2023

“I DREAMED OF BECOMING A TEACHER”: SOVIET AUTOBIOGRAPHIES OF TATAR WOMEN

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

Kazan, Russian Federation

bahetem@mail.ru

The article presents fragments of autobiographies and memoirs of the 1960s, written by activists of the Tatar women's movement of the revolutionary years. Koyash Valitova (born in 1898), Zukhra Baimbetova (1899), Bylbyl Ilyasova (1898), Bibikhatyma Alaberdina (1901), Zeinab Bashirova (1903) worked in schools or were planning to become teachers before the revolution of 1917; during Soviet times, these women were involved in the propaganda and political work. An analysis of fragments of ego-documents showed that Soviet autobiographies of Tatar women have an element of “fight”, clashes with various forces (in the family, society). Intra-family conflicts were a characteristic feature of the ego-documents of Tatar female teachers. Moreover, Soviet representations kept silent about some features of pre-revolutionary Tatar everyday life and emphasized the cultural backwardness of Muslims. A comprehensive analysis allowed us to highlight individual details of pre-revolutionary life and refute the established stereotypes. The author concludes that the use of these documents in scientific research is possible only as a supplement to less biased sources of other types.

Keywords: Tatars, women’s movement, ego-documents, Muslims, autobiography, TASSR.

For citation: Gabdrāfikova L.R. (2024) “I dreamed of becoming a teacher”: Soviet autobiographies of Tatar women. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 1: 79–94. DOI: 10.22378/he.2024-9-1.79-94 (In Russ.)

REFERENCES

- Burnasheva Z. (1971) *From the history of the Tatar women's movement*. Kazan: Tat. Kitap Publ. (In Tat.)
- Gabdrāfikova L. (2015) *Tatar bourgeois society: Lifestyle in an era of change (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Smirnova V.N. (1963) *Women of Tatarstan in the fight for Soviet power*. Kazan: Kazan University Publ, 1963. (In Russ.)
- Anthology of Tatar pedagogical ideas* (2016). Sultanov F.M. (ed.) Vol. 2 (20th – early 21st centuries). Kazan: Tat. Kitap Publ. (In Tat.)

About the author: Liliya R. Gabdrāfikova is a Doctor Sc. (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Research Fellow at the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russia); bahetem@mail.ru

Received June 7, 2023

Accepted for publication October 12, 2023